

XX век дал России много поэтов — замечательных, интересных, хороших, великих, общепризнанных, полузабытых и забытых вовсе, всяких.

Но лишь двое стали воистину народными — Есенин и Рубцов. Оба стали любовью России, символами.

Иной человек, может, и не читал Есенина (ну, песню про клён-то всякий вспомнит), а спроси: «Любишь?» «Люблю», — ответит. И ответит искренне.

Находились и находятся, конечно, и такие, что открыто говорят: «Не люблю». Таких и русскими-то не считают, да и они об этом не жалеют. Но это всё-таки редко. Чаще бывает — прилюдно в любви к ним признаётся, а тайно ненавидит. Всю Россию ненавидит, ну, и Есенина с Рубцовым, как её выразителей.

И всё же, за редкими исключениями, любят их, любят как никаких других поэтов.

В чём же дело-то? Почему именно они — избранные?

Мне кажется так: оба не только стихи прекрасные писали (у обоих, кстати, при желании, можно раскопать и слабые стихи), но и прожили судьбу своего народа в своё время и отразили эту судьбу и в своих стихах, и в жизнях, судьбах своих.

Есенин предсказал в стихах и в жизни исход крестьян из деревни и вырождение их в городах. С какой любовью о деревне писал (ну, например: «Там, где капустные грядки красной водой поливает восход, кленёночек маленький матке зелёное вымя сосёт»). А что в городе? «Москва кабацкая», «Исповедь хулигана»...

Но у Есенина всё же был крепкий деревенский тыл («Ты жива ещё, моя старушка...») У Рубцова и этого не было. По-настоящему деревенским человеком он никогда не был. Детство в детском доме, пусть и сельском, это не детство в семье. Да и семья-то была уже городская. Родители, покинув деревню в 1929 году, в Вологде жили, в Емецке, где и родился мальчик Коля, и отца он потом опять же в Вологде нашёл...

Рубцов отразил в поэзии и прожил сиротскую и бездомную русскую судьбу. Может, кому-то это покажется «слишком», но —

всё это нынешнее «бомжевание», Рубцов предсказал и прожил ещё в 60-е годы.

Есенин показал начало (не явления, а понимания явления) смены архаической, крестьянской, деревенской культуры механизацией, индустриализацией. «Милый, милый, смешной дуралей, // Ну куда он, куда он гонится? // Или он не знает, что живых коней// Победила стальная конница?»

Рубцов уже жил в этом процессе, да ещё не укоренённый сам-то ни в деревне, ни в городе. «Меня всё терзают грани меж городом и селом». И совсем уж пронзительно: «Не купить мне избу над оврагом и цветы не выращивать мне». Хотя мог бы уже и домишко купить, гонорары уже позволяли. Мог бы купить, а жить бы не смог в том доме... И не смог!

Алексей Башкиров, автор лирических миниатюр, в одной из них хорошо написал: «И Рубцов и Есенин погибли в городах, в родных полях их никто бы и пальцем не тронул». Верно. Но не жилось им в полях-то! Вот в чём дело-то. Никто же не гнал их в города — под архангельский дождик или в Москву кабацкую... Да и многое, кажется, сами себе выдумали все эти страдания... Но не выдумали! Потому что душа есть, и душа — болит. А у поэта особенно — за всё и за всех болит. Воистину: «Никто же их не бияше, сами ся мучаху». И в

этом тоже наше, русское, отразили. И за это их любим.

Пили оба. Чем и дали повод для обвинений в пьянстве и алкоголизме. Обвиняют. Есть такие любители, даже из числа «ведов». Но скажите, поборники трезвости, может ли русский, да к тому же поэт, написав, ну, например: «...нёс я за гробом матери аленький свой цветок», — не садануть стакан?.. Может, конечно, и не садануть. Но какое же усилие надо для этого приложить... Пьянство, конечно, беда. Наша, русская. Ну что ж — и здесь они наши.

«Скандалы». Оба отметились. Есенин и нарочито славу «скандалиста» о себе поддерживал (ну, хотелось ему так), о Рубцове «свидетельства» имеются...

Один нынешний вологодский журналист, тоже «ведом» себя считающий, прямо написал в газете местной: «...надо обязательно различать Рубцова поэта и Рубцова человека». Поэт, мол, великий, а человек — «мягко выражаясь, не образец для подражания». Будто бы сам этот «вед» — образец чистейшей прелести. И будто бы Рубцов шизофреник какой-то, раздвоением личности страдавший. Нет — Рубцов-поэт от Рубцова-человека неотделим. И Есенин тоже. И неотделимость эту они доказали своими песнями, своими судьбами, гибелью своей... Вот с такими, как тот журналист-«рубцововед», Рубцов, конечно, в драку лез.

Потому что мы, русские, не любим таких... (ладно, не буду ругаться).

И перед обоими, как по большому счёту перед каждым русским, стоял главный вопрос — вопрос веры.

Есенин вначале всеобщего безверия, официально провозглашённого, и, надо признать, в довольно большой части народа поддержку получившего (причины этого — отдельная большая тема), писал: «Стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь». Значит, всё же верил. Но как уже изломана вера та была!

Рубцов же родился и жил в эпоху побеждающего (официально) атеизма (да ещё жил-то в детдоме, где даже семейного или какого-нибудь соседского влияния религиозного не мог испытать).

Но ведь вера-то на самом деле из жизни народной никуда и не уходила, оставалась она и в повседневной жизни, в деревнях особенно — и иконы были в домах, и в церковь ходили, и детей крестили; и в литературе русской, конечно, оставалась она (куда ж её денешь-то!), а литературу-то во всех школах учили. Да ведь и душа-то, душа-то — живая, Бога всегда знающая. Вот и слышал Николай Рубцов «незримых певчих пеньё хоровое», и хотя ещё не жалел о «растоптанной царской короне», но жалел о «разрушенных

белых церквях». Ведь не как о памятниках архитектуры жалел. И знал, что «всякому на Руси памятник добрый — крест».

И тут, в главном, они наши, свои, родные...

И всё же — были ведь Блок, Маяковский, Пастернак, Заболоцкий, Твардовский (в «Василии Тёркине» приблизился он к народной славе), Передереев, Бродский в конце концов (всякий может расширить этот список по

своему разумению и вкусу). Но двое — Есенин и Рубцов — любовь наша, безоглядная и всепрощающая любовь... Почему они-то? Тайна сия велика есть. И в тайне этой — великая милость Божия к нам, русским. Милость подобная той, что не позволила Пушкину (первой, иногда и неосознаваемой даже, любви нашей) стать ни убийцей, ни самоубийцей.